

За чужими
ОКНАМИ

Читайте в серии книги
А. Борисовой

Манечка,
или Не спешите похудеть

•

Когда *вырастают дети*

•

Змеев *столб*

•

Бел-горюч *камень*

•

Весь апрель *никому не верь*

•

Хлеба *и чуда*

Ариадна
Борисова

Хлеба и чуда

сборник

Москва
2015

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б82

Оформление серии *П. Петрова*

Борисова, Ариадна.

Б82 Хлеба и чуда : сборник / Ариадна Борисова. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (За чужими окнами. Проза М. Метлицкой и А. Борисовой).

ISBN 978-5-699-84140-0

Он — талантливый артист с редким, шаляпинским, басом, находящийся убежище от неустроенности жизни в алкоголе. Она — настоящая француженка, исполнительница шансона. На дворе — то самое время, когда между СССР и Европой стоял железный занавес. Их встреча почти случайна, но забываемо ярка, вот только возможно ли у нее хоть какое-то продолжение?..

В авторском сборнике Ариадны Борисовой собраны лучшие рассказы о любви и о той поре, когда полки магазинов были пустыми, люди голодными, зато каждый был искренен и все же верил в чудо.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84140-0

© Борисова А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

*Скачет леший
по лесам*

Иваны

да Марья

Предков Александры Ивановны привезли в Якутию силком по царскому указу «садиться на пашню в еланных местах» триста лет назад из-под самой Москвы. Воевода велел раздать семьям конный и рогатый скот, поселенцы стали возделывать неласковую северную землю, сеять рожь, ячмень, коноплю для масла и пеньки. Сюда же ссылали каторжан, позже добавились старообрядцы и скопцы. Отписной грамоты было не добиться, из тайги не вырваться, редких беглецов неизбежно ловили и отправляли на Нерчинские рудники, где люди, не успевая надорвать жилы, заживо разлагались от свинцового яда. Постепенно образовалась большая русская слобода, хлебная и ямская: до продажи Аляски тут проходил тракт российско-американской компании. Попы крестили наездами «своих» и аборигенов. Язычники принимали православную веру не без корысти — крещеным выделяли земельные наделы. Новообращенные венчались с русскими девушками, и скоро к житнице приросли ветви мешанцев — людей красивых, рослых, с детства знакомых с трудом пахарей, отчего их и прозвали «пашенными». Когда

родилась Александра Ивновна, в ту пору Сашка, ее село разговаривало на стойком пашенном диалекте с вкраплениями якутских слов, старики и по сию пору на нем говорят.

В детстве из палисадника Сашкиного дома выше крыши поднимались, переплетясь ветками, две березы. Пятна солнца в их тенях усеивали песчаную тропинку к дому ярко, густо, как пролитый мед. О меде в деревне знали не понаслышке: лесник Иван Гурьевич Чичерин – последний скопец, за глаза называемый Мерин-Чичерин, держал пасеку, его пчелы собирали взяток с обильных саранковых лугов.

Грустная история была связана у Ивана Гурьевича с пасекой. Диких пчел сумели приручить два братаскопца, трудяги оборотистые, но ветхие, и больше пасечным делом никто не занимался не то что в слободе, а может, и по всему Северу. Иван же Чичерин еще мальчишкой прикипел к работе с медоносами. Из-за них и остального огородно-полевого наследства, человек уже не юный, дал он себя оскотить. Так говорили сельчане, прекрасно зная, что безрассудный поступок этот Иван Гурьевич совершил в горячах по причине измены синеглазой любви своей Марьи.

Единственная дочь из зажиточной семьи с тремя сыновьями, гордая Марья не одному жениху отказала, а к Ивану Чичерину – неказистому, с лицом, порченным в отроках оспой, по совету отца относилась благосклонно. Сговорились, тут девица возьми и сбеги с другим Иваном, Кондратьевым. Не счесть историй, когда истомленная собственной заносчивостью перестарка чуть ли не из-под венца бросается от серьезного человека в объятия первого же под-

вернувшегося шалопаю. Ванька Кондратьев был ветреником, но красавец — Марье под стать.

Вдовый отец беглянки погневался и принял Ваньку в дом по справедливости, как четвертого сына, под обещание не ярыжить. Однако жизнь молодых в дружном семействе не заладилась не из-за нарушения Ванькой клятвы, а из-за сочувствия примака новой бедняцкой власти. Зыбкая эта власть заявляла о себе все бойчее между налетами белых отрядов и разбойных анархических банд, и Марьины братья-середняки скоро тоже перестали упираться.

В экспроприации имущества Ивана Чичерина Ванька Кондратьев принял живейшее участие. Поля-огороды, небольшая коровья ферма отошли крестьянскому товариществу, пасеку милостиво оставили Ивану Гурьевичу. Возле нее, на окраине деревни, он и срубил избенку. А добротный скопческий двор у реки на взгорье, с домом и черной банькой, решено было отдать свежеиспеченному начальнику — заведующему общественной фермой Ивану Степановичу Кондратьеву.

Первым делом он на радостях посадил в палисаднике две высокие березы — застолбил будущее счастье. Деревья взялись на диво согласно, и хозяйственником Иван Степанович оказался справным, несмотря на досужие разговоры о его ветрености. На возобновившиеся пьянки Ивана Степановича сельсовет смотрел сквозь пальцы. Все же знали, что Кондратьев в бытность Ванькой не дурак был покутить с промысловых удач, да ведь и охотником считался фартовым. Раззудился, значит, в Иване Степановиче прежний гулена, но заработок нес строго жене, напивался не столь уж часто, негромко и не дома. А Марья... Не-

долго боролась Марья с дурными наклонностями мужа, родила дитя и по виду смирилась.

Сашка знала, как жестоко мать мучилась ревностью, презирая всех женщин и любую, в частности, самое себя не щадя в негласном, но из каждой поры пышущем отвращении. Ревновала отца, а не любила. Кого Марья любила беззаветно, всем сердцем без памяти, так это первенца Ванечку, — точно с лица сына сияло ей солнце. Сашка же появилась ребенком незапланированным, случайно, можно сказать, в год отчаянного всплеска Марьиной женской активности. Мать ходила вторым бременем трудно, ждала снова мальчика, красивое имя подобрала ему — Александр, а разрешилась существом своего немилого пола и в страшном разочаровании не захотела даже подумать о более приемлемом для девочки имени.

Вопреки родительскому недогляду Сашка росла здоровенькой, шустрой, как пацаненок. Мать ею и не заморачивалась. Но Ванечка! Сын! Святое... Марью восхищало собственное продолжение в мужчине, человеке противоположном созданиям слабым и порочным по природе. Думы о ненаглядном Ванечке утешали черствеющую в злой обиде душу: Иван Степанович сквозил мимо жены холодным ветром и через четыре дня на пятый не ночевал дома. Да кому о том было ведомо? Кому было ведомо — молчали. В остальном не придерешься — отгрохал новую ферму, вывел хозяйство в передовые, свой дом держал в исправности и сына наставлял к мужицкой работе.

Просыпаясь ночью, Сашка видела, как мать на цыпочках крадется проверить, не скинул ли Ванечка одеяло, не приболел ли, не дай бог, охотясь в мороз на

рябчиков; видела, как любитесь она его спящим лицом, отдалив свечу. Девочка пугалась безумных глаз матери, ярче свечей исходящих светом горячечной нежности, в которой, казалось, тонуло все ее тощее, длинной жердью иссохшее тело. Ни разу зыбь этой нежности не коснулась дочери, зябнувшей под коротким заячьим одеяльцем, знавшим еще Ванечкино младенчество.

Неистовая материнская любовь не испортила мягкого, дружелюбного характера Сашкиного брата. Ровный со всеми, он и к домашним относился с одинаковой лаской. Весной высаживал в палисаднике сине-белые аютины глазки для Марьи, а для сестренки — красные маки и, ущипнув за румяную щеку, шутил про маков цвет. Сашка подозревала, что по-настоящему Ванечка был привязан к одному человеку — леснику Ивану Гурьевичу. Ее и в помине не было, когда они подружились.

Чичерин жил бирюк бирюком. В деревне его недолюбливали. Не терпя неряшливости, суровый лесник заставлял начисто прибирать древесный мусор с делян, к самовольным вальщикам и браконьерам был беспощаден. В вольтере возле своего домишки Иван Гурьевич выхаживал то подраненного лося, то волчонка, попавшего лапой в капкан. Ребяшня набегами норовила сунуть хлеба сквозь сетку, кто и шишками в зверей кидал. Потрясая прутом, Чичерин грозил высесть озорников.

Ванечку дома не наказывали — не за что было, он и тут не побоялся: «Не ругайтесь на меня, дядя Ваня, я ж плохого не делаю». Глянув в синие глаза мальчика, Иван Гурьевич дрогнул. Постоял с поникшей головой, размышляя о чем-то, и внезапно смягчился: «Заходи». Потом накинул ему на голову шляпу

с сеткой и повел на пасеку. Мальчика заворожили слова, в которых вроде бы ничего особенного не было: «Слышь, царица тоскует? Деток оплакивает. Тесно имям, часть отделиться от семейки хочет». Матушка-пчела действительно издавала жалобные звуки, пчелы пылко роились вокруг.

Ванечка сразу влюбился в кропотливое пчелиное царство. Позже рассказывал сестренке об окруженной почтительной свитой царице, о подданных, готовых отдать ей в голод последнюю каплю меда. Маленькая Сашка слушала, не все понимая, думала — сказки.

Миска с медом перестала быть редкостью на обеденном столе. Отцу дружба сына с лесником не больно-то нравилась, но на первых порах помалкивал. Сам в подростках нанимался в охотку к старым скопцам полоть огород за крынку сладкого солнца.

Никому не признался бы Иван Степанович, что совестит себя за стыдный раж раскулачивания. Было тогда так: покойный тесть шепнул, будто Чичерин собирается завтра передать Советам скопческое добро, и Ванька Кондратьев, пораскинув мозгами, подначил товарищей действовать до рассвета, пока Мерин-Чичерин спит. Со смехом, с прибаутками выкинули скопца из дома в подштанниках. Весело получилось, а в недобрый час царапнула Ванькино сердце вина и начала точить, и понемногу вся досада, все недовольство собой обернулись против Марьи. Из-за нее хотел унижить Ивана Гурьевича, из-за нее сообразил, как легче завладеть чужим ухоженным двором!..

Поздно спохватился Иван Степанович с запретом сыну шастать на пасеку. Ванечка, вымахнувший выше отца, глядя без страха в лицо, заявил: «Убери,

тятся, ремень-то, отберу ведь». Марья осмелилась укорить мужа: «Сам виноват, семья тебе побоку...» Иван Степанович молча стукнул кулаком в стену и ушел в загул на неделю, благо звеньевые досматривали за фермой преданно... А Ванечка, окончив в том году семилетку, подался к Чичерину в помощники.

...Июнь 41-го выпал у Сашки из памяти, но вот ноябрь запомнился фразой, повторяемой на разные лады: «Немец под Москвой». В клубе крутили патефон, и под песню Утесова «Дан приказ ему на запад» семья проводила на фронт Ивана Степановича. Иван Гурьевич уехал с ним в одном грузовике.

Соседка Катерина, сблизившаяся с Марьей во время войны, рассказывала, что кто-то уведомил военных людей о тайне лесника, всем в деревне известной. Приезжий командир будто бы захохотал и хлопнул Чичерина по плечу: «Повезло тебе, скопец, яйца-то в бою только помеха!»

Присмотр за таежным участком и пасекой остался за юным лесником. Заезжая по работе в городское управление лесничеством, Ванечка рыскал по базам и рынкам, где только мог, и скупал соль и спички. Запаса хватило на целых три года, мать была бережлива. С тех пор сохранилась привычка у Сашки, давно уже Александры Ивановны, заходя в магазин, в первую очередь осматривать полки в поисках соли и спичек, всякий раз с воспоминанием о брате.

Восемнадцатилетнего Ванечку увезли с новым набором поспешно, словно на пожар. Прошел ледоход, Сашка с детворой носилась по берегу, бросая в осколки шуги¹ крошки хлеба, — задабривала реч-

¹ Шуга — мелкий рыхлый лед.

ных духов, чтобы год выдался урожайным и кончилась война. Не успела попрощаться с братом и рассердилась на мать, что не позвала. Не застав ее дома, нашла по глухому вою, доносящемуся с задворок. Марья плашмя лежала на сырых бревнах, выловленных накануне багром на реке, и выла надсадно, на одной ноте, как волчица. Сашка вначале отпрянула, такими жуткими почудились ей надломленные над головой матери руки, все ее вытянутое вдоль черных бревен тело и безысходный вой. Лишь когда в груди прекратилась дятлова дробь, осмелилась дернуть Марью за безвольно упавший локоть и нестати заметила в русых волосах белой сталью блеснувшие пряди. В открытых глазах, точно в ледяных лунках, дрожала синяя-синяя вода и, светлея, текла по вискам. Сашка поняла, что мать в беспамятстве, села рядом на мокрую кучу коры и тоже тихонько завывала.

Осенью почтальонка принесла письмо от Ванечки. Отправил он его со станции Мальта Восточно-Сибирской магистрали, где проходил снайперскую подготовку в стрелковом полку. Марья схватила письмо обеими руками, плача и радостно вскрикивая, Сашке даже неловко стало перед чужим человеком за ее поведение. Читая вслух, вздохом по складам, мать без стеснения покрывала бумагу поцелуями. В этом послании, почему-то запоздавшем на два месяца, Ванечка писал, что на днях едет на фронт, спрашивал, как справляется с работой лесник, поставленный доглядывать за участком вместо него и Ивана Гурьевича. Наказывал сестренке хорошо учиться и просил заложить специальными подушечками улы.

Сашка опоздала, пчелы куда-то улетели. В классе она единственная не пропускала уроков: из-за небывалой засухи в деревне случился недород, и люди голодали. Сена Марья с Сашкой заготовили чуть, и пришлось отвести бычка Борьку на бойню. Злая, не подступиться, притащила Марья домой пятнадцать килограммов мяса — все, что осталось от Борьки после сдачи обязательных ста килограммов государству. Содрав со шкуры меховой покров с частью мездры, Марья выморозила кожу и порубила на кусочки для супа. Корова Субботка перебивалась чем придется, молока стала давать вполонину меньше ранешнего, к тому же почти все оно шло на погашение ежедневного продналога. Сено зимой совсем кончилось, и Субботку постигла Борькина участь. Сашка плакала, отказывалась есть суп из коровьих костей. Спокойная, доверчивая Субботка с теленка была Сашкиной наперсницей, раньше девочка мечтала, что корова умрет счастливой, дожив до глубокой старости.

Из города потянулись невероятно истощенные люди. Мать прибила к калитке железную щеколду и велела не открывать незнакомым. Однажды Сашка увидела в окно, как по дороге мелкими шажками бредут женщина с маленьким мальчиком, и вынесла им несколько вареных картофелин. Вблизи женщина походила на одетый в лохмотья скелет, мальчик выглядел немногим лучше. Они жадно проглотили картошку тут же за калиткой. Сашка снова не утерпела и отдала им зайца, попавшего в петлю на удачливом Ванечкином месте. Женщина очень благодарила, а мальчик смотрел на мертвого зверька и плакал.